

Минец Диана Владимировна

канд. филол. наук, доцент

ФГБОУ ВПО «Череповецкий государственный университет»

г. Череповец, Вологодская область

DOI 10.21661/r-113063

**АВТОДОКУМЕНТ КАК СПОСОБ ВЕРБАЛЬНОЙ
ЭКЗИСТЕНЦИИ АВТОРА (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕТРАДЕЙ
В. НИЖИНСКОГО И «ДНЕВНИКА 1934 ГОДА» М. КУЗМИНА)**

Аннотация: в рамках настоящей статьи рассматриваются автодокументы М. Кузмина и В. Нижинского. Автор приходит к выводу о свойстве автодокументального текста запечатлевать личность, находящуюся по тем или иным причинам в кризисном состоянии, то есть переживающую распад своей идентичности.

Ключевые слова: эго-дискурс, автодокумент, персональная идентичность, автообраз.

Сугубо прагматическое понимание мемуарно-автобиографического (иначе – автодокументального или эго-дискурса) дискурса подразумевает интерпретацию последнего как «источника культурно-аксиологической информации, выраженной лексическими средствами, концептуальная организация которых изучается» [5, с. 64]. Автор эго-текста, «документируя свою идентичность, непрерывность своего «Я» [8, с. 16], в то же время моделирует ее: идентичность «постоянно (ре/пере/де)конструируется в процессе письма» [13, с. 289]. Таким образом, нарративное «я» – это субъект в процессе; оно никогда не готовое; оно расщепленное, изменчивое, противоречивое. В этом смысле интерес представляют автодокументы тех, чья личность по тем или иным причинам находится в кризисном состоянии, то есть переживает распад своей идентичности.

«Дневник 1934 года» поэта, прозаика, критика, композитора и музыканта М.А. Кузмина (1872 – 1936) представляет собой чудом сохранившуюся тетрадь, включающую как подневные записи, так и прозаические фрагменты и

отрывки его воспоминаний [4]. Это последняя книга поэта, запечатлевшая его интеллектуальный облик. М. Кузмин на тот момент прекрасно осознавал близость конца: *«Судьба мне громко произнесла «смерть» и понятие это из почти несуществующего далека поставила нос к носу»* (16 мая 1934 года). В 1934 году несколькими специалистами ему был поставлен диагноз «angina pectoris» (грудная жаба). Кузмину было сообщено, что состояние его здоровья не позволяет прибегнуть к операции и что жить ему осталось не более двух лет» [2, с. 281]: *«Как-то по-больному идет время. ... Даже если бы и мог, что бы я стал делать. Удушье каждую ночь и вечер»* (26–27 ноября 1934 г.). Соответственно, изначальное намерение поэта вести дневник, соответствующий канонам предыдущих лет с установкой на мифологизацию авторского образа (его ранние скандальные дневники формируют основные составляющие персонального мифа), в данном случае не было реализовано: «Неудовлетворенность собственным статусом в советском культурном пространстве, кризис ролевой самоидентификации и поиски утерянной идентичности становятся главными метабиографическими темами Кузмина» [10, с. 11]. *«Теперь я знаю, как я умру, если, как миссис Домби, «не сделаю усилия»*, – запишет Кузмин 16 мая 1934 года (первая датируемая запись дневника). Таким усилием и становится сам акт писания, самоописания, дневниковый текст.

Семантическое содержание дневникового текста М.А. Кузмина представляет глобальная пропозиция – компрессивное содержание текста, представляющее в обобщенном виде основные события текста и имеющее логическую структуру из 150 подзаголовков к отдельным эпизодам дневника: «Весна», «Всякое», «Здоровье», «Старуха», «Дом», «Комната», «Другие», «Книги», «Петух», «Мое положение», «Юрочка» и пр. Текст имеет четкую структуру: все записи озаглавлены. При этом воспоминания о годах творческой юности напротив усиливают «ощущение, что автор доживает свой век», а «настоящая жизнь осталась там, в туманном далеке начала XX столетия» [9].

Оценочность превалирует над информативностью и оказывается привязанной к физическому либо психологическому состоянию субъекта (ср.: уход Юркуна из пансиона вызывает моментальную смену настроения): «Из окна смотрел, как Юр. уходил, и плакал (т. е. я), остался один»); «*Пролетарское семейство. Злая, фанатическая жена, преступная, идиотическая девчонка и папаша – одно плечо выше другого, глаза косят и вертятся в разное время и в разные стороны. Причем вечный кретинический смех и руки все время что-то шарят. В газетах портреты – лица преступников и сумасшедших, положительно*» (24 мая 1934 года). Обращение дневниковым записям позволяет реконструировать ближайшие бытовой, культурный и психологический контексты языковой личности поэта, ее «внелитературную» основу в ее связи с процессом генерации текста: «*Мое положение таково, как будто меня нет, вроде как мое существование*» (16 мая 1934 года). Условно-предположительная семантика союзов способствует актуализации концептуальной доминанты дневника «жизнь» – «не-жизнь».

Субъект повествования настойчиво подчеркивает свою «исключенность», «выключенность» из жизни, пространства: «*Новые знакомые Юр. Юр. заводит свои знакомства. Он и прежде их заводил: мальчики, коллекционеры, поклонники. Теперь не то. Теперь О.Н. отбирает или перебивает у меня под носом знакомых. ... Круг знакомых, из которых меня потихоньку выперли*»; «*Невыразимая тоска, хоть садись на поезд и уезжай*» (16 мая 1934 года). Выбор характерных префиксов соответствующей семантики передает всю глубину драмы автора. В этом смысле акт повседневного само(о)писания позволяет автору продлить свое вербальное существование [6, с. 65–68].

В дневниковую летопись 1934 года Кузмин не заносит описания политических событий, хотя исторический период к тому более чем располагал; исключение в данном случае составляет лишь убийство Кирова, фактографически ограниченное одним предложением. Кузмин всячески старался устраниваться от политики, просто существуя в этом мире и при этом отлично осознавая все, что происходит вокруг (отсутствие простейших продуктов, подступившее безденежье, тяжелая болезнь): «*Немного работаю. Денег не шлют*» (3–7 декабря 1934 года);

«Чувствую себя, с ежедневной одышкой, но без припадков, ничего себе» (16 декабря 1934 года); «Денег не шлют» (17–19 декабря 1934 года).

Кузмин беглыми чертами (фрагментарно) фиксирует течение внешней жизни, основное внимание – по всем канонам жанра дневника – сосредотачивается на внутреннем мире и осознании грядущего конца: «Я неважно себя чувствую» (2 июня 1934 г.); «Я еще простужен, по-моему» (27–28 октября 1934 г.); «Холодное отвращение я чувствую к публике, из которой вербовались христиане первых трех-четырех веков» (10 октября 1934 г.). Предикаты со значением «болезнь» становятся доминирующим типом лексических единиц. Кроме того, наблюдается определенная семантическая «размытость» последних, обусловленная переплетением и взаимодействием предикатов психологического состояния различных синонимических рядов и лексико-семантических групп с предикатами «мысли», «чувства», «речи», «желания», «ощущения». Речь в данном случае в первую очередь идет о репрезентации человеком самого себя как мыслящего, чувствующего и деятельного субъекта: ср. «При настоящей системе ведения дневника события личной жизни отходят на какой-то десятый план ... Как в хронике – ряд вздорных мелочей, пили чай, сломался ножик, ходил гулять, так теперь ворох вздорных мыслей и образов – течение ежедневного воображения» (20 июня 1934 г.). Именно поэтому дневник 1934 года, в отличие от остальных томов дневника предыдущих лет, прямо посвящен задаче написания прозы, которая должна примирить автора с жизнью, продлить его физическое существование, о чем непосредственно заявляется самим Кузминым как об одной из целей ведения дневника: «Юр. очень нравится дневник мой, так что даже он попросил его ему подарить» (19 июля 1934 года); «Юр. два раза заходил ко мне. Огорчился некоторыми жалобами в моем дневнике, звали меня гулять Богинский и Тиран, и вечером я немного играл» (26–27 июля 1934 года); «Теперь в дневнике все о себе, потому что мало внешних вещей я вижу новых» (29 сентября 1934 года).

Дневник становится важным атрибутом личного быта Кузмина. Важную роль при этом играет самоирония. С точки зрения прагматики, самоирония мо-

жет использоваться для косвенной авторской самопрезентации и повышения авторитетности собственной позиции относительно позиции адресата сообщения [14, с. 193]: *«Занимался немного, чуть-чуть играл, как муха. Все мне интересно. Весь [день] провел ничего. Только к вечеру скис немного и стал кашлять к тому же, тем более, что принялся ожидать Юр.»* (11 сентября 1934 года); *«С упоением занимаюсь своей выздоравливающей жизнью. Хотел было маляр нарушить весь строй, переворотив мебель, но я этого избежал»* (13 сентября 1934 года). Неудовлетворенность собственным статусом в советском обществе, тяжелое материальное положение, болезнь вынуждают Кузмина обращаться к данной коммуникативной тактике как одному из сущностных признаков «живости»: *«...как будто я живой...»* (16 мая 1934 года). Тем не менее, вполне отдавая себе отчет в собственной значимости, а следовательно – и в значительности своего творчества, в дневниках Кузмин предстает центром, вокруг которого вращается известный ему мир: *«Когда я был болен, ко мне все заходили и всех водили, будто я был достопримечательностью дома. Было очень приятно и весело»* (16 мая 1934 года).

В 1930-е гг. посредством дневника М. Кузмин в значительной степени пытается *держать себя в рабочей форме* и получает возможность вербально эксплицитировать и/или актуализировать ту или иную свою роль: *«Может быть, надо взять себе раз навсегда какой-нибудь пример, образец, идеал. Часто приходится играть роль, воображать себе, что «делаешь дело», творишь, «имеешь успех», «ведешь красивую жизнь», чтобы внедрить это в собственное сознание, только тогда и сам будешь верить, и другие поверят. Легкая, веселая и счастливая жизнь это ... трудное аскетическое самоограничение и самовоображение, ... но только так жизнь может быть активна и продуктивна»* (30 августа 1934 года).

Дневниковые тетради В. Нижинского (1889 – 1950) состоят из двух частей «Жизнь» и «Смерть» (оригинальное название – «О жизни» и «О смерти») и объединены общим названием «Чувство» (редакторское название). Это редкий фотографический документ о том, как происходило погружение в душевное расстройство. Блестящая карьера великого танцовщика закончилась в 1917 году с

уходом из труппы С. Дягилева. В тот же год (1919) он за полтора месяца напишет свой дневник. Последние 30 лет жизни он проводит в психиатрической лечебнице с диагнозом шизофрения.

Текст довольно ярко демонстрирует различного рода нарушения действия механизма вероятностного прогнозирования, имеющего место при шизофрении [1, с. 54]. Речь идет об особой синтагматической логике, являющейся не результатом понимания сущности явлений, а результатом вербальной актуализации латентных связей объектов (см. далее: ассоциативное сближение слов по графическому и фонетическому облику): «Миллионы лет прошли от существования людей. Люди думают, что Бог там, где техника велика. Бог был там, где люди не имели *индустрии*. *Индустрией* называется все, что придумано. Я придумываю тоже, а поэтому я есть *индустрия*. Люди думают, что раньше не было индустрии, а были *индюки*, а поэтому историки думают, что они Боги, у которых *перья из стали*. Сталь есть вещь нужная, но перья из стали вещь ужасная. Индюк со стальными перьями ужасен. *Аэроплан* вещь ужасная» [11, с. 74].

Лексемы «чувство» и «чувствовать» в тексте тетрадей наиболее частотные: «Я человек с *чувством*, а потому *чувствую* речь венгерскую» [11, с. 60]; «У всех людей есть *чувство*, но они не понимают *чувства*. Я хочу написать эту книгу, ибо я хочу объяснить, что такое *чувство*» [11, с. 63]; «Я хочу писать для того, чтобы объяснить людям привычки, от которых *чувство* умирает. Я хочу назвать эту книгу *чувством*. Я назову эту книгу «*Чувством*». Я люблю *чувство*, а поэтому буду писать много. Я хочу большую книгу о *чувстве*, ибо в ней будет вся твоя жизнь» [11, с. 95]. В этом смысле чувство = интуиция, интуитивное восприятие (у В. Нижинского – «разум»), противопоставленное «уму»: «Я не ум. Я разум» [11, с. 84]; «Я называю разумом все, что чувствуется хорошо» [11, с. 90]. Постепенно слова «чувство», «любовь», «Бог» вытесняют любую мысль и записываются в произвольном порядке.

На протяжении всего текста наблюдается самоидентификация с Богом и Христом, что, собственно, и послужило основанием для постановки ему врачами соответствующего диагноза: «Обезьяна произошла от обезьяны, а обезьяна от

Бога. Бог произошел от Бога, а Бог от Бога. Я чувствую хорошо, ибо понимаю все, что пишу. *Я есть человек от Бога*, а не от обезьяны. Я обезьяна, если я не чувствую, я *Бог*, если я чувствую» [11, с. 65]. Довольно часто имеет место непоследовательное субъектное переключение внутри текстового фрагмента: «*Я знаю, что тебя не посадят в тюрьму, ибо у тебя нет юридической ошибки. Если люди захотят тебя судить, то ты скажешь, что все, что ты говоришь, говорит Бог. Тогда тебя отправят в сумасшедший дом. Ты будешь сидеть в сумасшедшем доме, и ты поймешь сумасшедших. Я хочу, чтобы тебя посадили в тюрьму или в сумасшедший дом. Достоевский был в каторжных работах, а поэтому ты можешь тоже сидеть где-нибудь. ... Я хочу подписаться Нижинским для рекламы, но мое имя есть Бог. Я люблю Нижинского не как Нарцисс, а как Бог*» [11, с. 95].

Самоотождествление с Богом завершается логическим присвоением себе характеристик всего, что находится вокруг, всего предметного и абстрактного, живого и неживого: «Я Бог и Бык. Я Апис. Я египтянин. Я индус. Я индеец. Я негр, я китаец, я японец. Я чужестранец и иностранец. Я морская птица. Я земная птица. Я дерево Толстого. Я корни Толстого. Толстой есть мой. Я есть его» [11, с. 82]. Подписи в автодокументе к датам носят тот же характер: «Бог Нижинский. Санкт-Мориц-Дорф, Вилла Гуардамупт, 27 февраля 1919 года» [11, с. 59].

При подобного рода расстройствах патология правого полушария (которое отвечает за образы и эмоции) вызывает избыток функций левого полушария (отвечающего за логику и речь): «...Функции, соотносимые с работой правого полушария, у них были угнетены, по сравнению с левополушарными. Правое полушарие воссоздает образное и эмоциональные формы регуляции поведения (пространственное мышление, понимание грамматических форм, мышление аналогиями, синтез, символизм, продуцирование ассоциаций, продуцирование образов)» [12, с. 58]. Такая речь абстрактна, псевдонаучна (в тетрадах В. Нижинского много мыслей о мире и человеке, о Боге и душе, о суетном и вечном, об искусстве как о способе миропознания), но грамматически (синтаксически и морфологически) правильна, хотя в ней много необычных словосочетаний: «В прошлой книге я буду описывать способы [зачеркнуто: уничтожений]. Я буду

описывать способы уничтожения их. «Я прислал комара на твою тетрадь для твоей ошибки». Я хочу, чтобы печатали мои ошибки. Я бы предпочел фотографию моего письма вместо печати, ибо печать уничтожает письмо» [11, с. 79].

Содержательно записи носят сумбурный, хаотичный характер. Текст движим вперед одной только логикой языка, в книге преобладают бинарные конструкции с подчинительными союзами «а поэтому» и «ибо» [7, с. 113–115]: «Я хорошо позавтракал, *ибо* съел два яйца всмятку и жареный картофель с бобами. Я люблю бобы, только они сухие. Я не люблю бобы сухие, *ибо* в них нет жизни. Швейцария больная, *ибо* она вся в горах. В Швейцарии люди сухие, *ибо* в них нет жизни. Я имею горничную сухую, *ибо* она чувствует. Она много думает, *ибо* ее иссушили в другом месте, где она прислуживала долго. Я не люблю Цюриха, *ибо* он город сухой, в нем много фабрик, а затем много людей деловых. Я не люблю людей сухих, *а поэтому* не люблю людей деловых» [11, с. 47].

Предложения в абсолютном своем большинстве повествовательные, невосклицательные, двусоставные. Частотна парцелляция. 90% предложений начинаются с личного местоимения «я». Доминирующий тип – Pron1 cop N1. В связочной функции выступает глагол «есть»: «Я есть начало. Я есть правда. Я есть совесть. Я есть любовь ко всем» [11, с. 103].

Характерная черта стиля тетрадей – сиюминутность и ситуативность [3]. Тетради строятся по принципу описания всего, что происходит вокруг: «Я хотел переменить карандаш, *ибо* мой карандаш маленький и выскальзывает из пальцев, но я заметил, что другой хуже, *ибо* ломается. Бог мне подсказал вслух, что лучше писать маленьким, *ибо* я не теряю время. Сейчас я переменю карандаш, *ибо* боюсь устать от письма, а я хочу писать много. Я пошел искать карандаш, но не нашел его, *ибо* шкаф был заперт, где находятся карандаши. После я переменяю несколько карандашей на пробу, думая, что лучше писать большим, чем маленьким. Я знаю, карандаши ломаются, а поэтому буду писать фонтен-плюмом. Вставка, которой писал Толстой и многие деловые люди в сегодняшнее время. Я переменяю привычку, *ибо* знаю, что все, что пишу, не надо поправлять. Завтра я буду писать чернилами, *ибо* чувствую, что Бог этого хочет» [11, с. 61].

Тетради Вацлава Нижинского представляют собой сложный текст. Это черновик сознания великого танцовщика: здесь есть странности, ошибки, галлюцинации, но есть и тонкие замечания и наблюдения. В то же время это уникальный человеческий и вместе с тем литературный документ, демонстрирующий трагический распад личности.

Таким образом, в обоих случаях автодокумент представляет собой способ вербального существования автора и построения его персональной идентичности. И в «Дневнике 1934 года» М. Кузмина и в дневниковых тетрадях В. Нижинского текст позволяет запечатлеть распад личностной идентичности вследствие физической или интеллектуальной смерти автора.

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых: МК-9349.2016.6 – «Языковые средства репрезентации идентичности в автодокументальных текстах: лингвокогнитивное моделирование».

Список литературы

1. Белянин В.П. Психолингвистика. – М., 2003.
2. Богомолов Н.А. Михаил Кузмин: Искусство, жизнь, эпоха / Н.А. Богомолов, Дж.Э. Малмстад. – М., 1996.
3. Ефременков И. Жизнь и смерть бога Нижинского / И. Ефременков // Независимая газета. Ex libris, 2000. 5 октября [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ng.ru/ng_exlibris/2000-10-05/2_life.html
4. Кузмин М. Дневник 1934 года / Под ред. Г.А. Морев. – СПб., 2011.
5. Мамонова Ю.В. Когнитивно-дискурсивные особенности лексики английской бытовой сказки: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2004.
6. Минец Д.В. «Теперь я знаю, как я умру, если... «не сделаю усилия»: соматическое усилие письма как способ актуализации языковой личности Михаила Кузмина в «Дневнике 1934 года» // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2013. – №4. – Т. 3. – С. 65–68.
7. Минец Д.В. Способы репрезентации психопатической языковой личности в тексте (на материале «Тетрадей» В. Нижинского) // Череповецкие научные

чтения – 2014: Материалы Всероссийской научно-практической конференции: В 3 ч. Ч. 1: Литературоведение, лингвистика, СМИ, история, философия, социология, политология / Отв. ред. Н.П. Павлова. – Череповец: ЧГУ, 2015. – С. 113–115.

8. Михеев М. Дневник как эго-текст (Россия, XIX–XX). – М., 2007.

9. Моисеев П. Кузмин М.А. Дневник 1934 года // Книжная витрина. – 2007. – 14 ноября [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.limbakh.ru/index.php?id=554>

10. Морев Г.А. Казус Кузмина // Кузмин М.А. Дневник 1934 года / Под ред. Г.А. Морева. – СПб., 2011. – С. 5–25.

11. Нижинский В. Чувство. Тетради / Предисл. В. Майнище, Г. Погожевой. – М., 2000.

12. Пашковский В.Э. Психиатрическая лингвистика / В.Э. Пашковский, Р. Пиотровская, Р.Г. Пиотровский. – М., 2013.

13. Савкина И. Теории и практики автобиографического письма // Новое литературное обозрение. – 2008. – №92. – С. 284–289.

14. Шилихина К.М. Ирония как способ повышения авторитетности // Авторитетность и коммуникация. Серия: Аспекты языка и коммуникации. – Воронеж, 2008. – Вып. 4. – С. 184–194.